

Се Юаньши пришлось набраться терпения и попытаться уговорить:

— Старейшина, вы же знаете, император не желает жениться. Взойдя на престол, он говорил, что не повторит ошибок предыдущего императора. Сейчас у него свои причины не брать супругу и наложниц.

— Старейшина слишком давит. Если продолжать в том же духе, император однажды рассердится, и это естественно. Я полагаю, этот вопрос следует оставить на усмотрение самого императора. Что вы думаете, Старейшина?

Почему бы просто не оставить эту затею?

Старейшина Сун совершенно не улавливал намёков Се Юаньши, и в его взгляде читалась лишь жалость.

До чего же благороден князь! Даже после отчитывания он не держит зла на императора, а, напротив, продолжает думать о нём.

Хотя это он, старейшина, уговорил его пойти уговаривать императора жениться, князь, получив выговор, ни капли на него не обиделся и по-прежнему принимает его с радушием.

Старейшина Сун был тронут до глубины души.

Ему даже не нужно было гадать. Император, конечно, знал, что за всем стоит он, старейшина, но князь Цинь, несомненно, заступился за него перед императором, ибо князь — человек добрый и мягкосердечный.

Се Юаньши уже не мог угнаться за ходом мыслей Старейшины Суна, а тот явно не собирался объяснять, что нафантазировал. Более того —

Он и вовсе забыл о вопросе женитьбы!

Подтолкнув свитки к Се Юаньши, он сказал:

— Этот старик вспомнил, что у него есть неотложные дела. Оставьте свитки у себя, ваше высочество, найдите время просмотреть их и отберите несколько. Прошу прощения, я должен удалиться. Навещу вас в другой день.

Се Юаньши: ?

— Старейшина, подождите...

Но Старейшина Сун, проворный и стремительный, в мгновение ока исчез из виду.

Се Юаньши какое-то время стоял в растерянности.

Только что они говорили о женитьбе. Он хотел, чтобы Старейшина Сун оставил эту идею, и тот, кажется, временно перестал её обсуждать, но, похоже, не отказался окончательно. Неужели из-за его слов?

В душе Се Юаньши закралось невероятное подозрение...

Неужели из-за той фразы, что он, отказываясь, ляпнул про выговор от императора?

Но если он разозлил императора, разве не естественно, что тот его отчитал?

— Се Цзю.

Се Цзю материализовался позади него.

— Я только что... сказал что-то не так? — спросил Се Юаньши.

Се Цзю погрузился в молчание.

— Ты тоже считаешь, что я ничего плохого не сказал, верно? — настаивал князь.

Взглянув на полное сомнений, шока и недоверия лицо своего господина, Се Цзю выдавил:

— Этот подчинённый... ничего не знает.

Но, сказав это, он счёл такой ответ бессердечным и тихо добавил:

— Сегодня тайные стражи императора не подходили.

Как же Шэнь Юйчху отбирает своих стражей! Нужное — не подслушивают!

— Проследи, куда направился Старейшина Сун, — приказал Се Юаньши.

Получив указание, Се Цзю взмыл на крышу и в несколько прыжков скрылся из виду.

Се Юаньши нахмурился, ощущая смутную тревогу:

— Император получил письмо от принцессы Хуалин, знает о желании Старейшины Суна устроить Пир ста цветов и о его намерениях. Так что сегодняшние события не обязательно докладывать через стражей.

— Старейшина Сун обычно не проявляет ко мне столь пристального внимания. Вряд ли он похож на Цензора Чжана...

Даже если в душе он и питает к нему отеческую нежность, то это сдержанная, внутренняя любовь. В конце концов, Старейшина Сун — не Цензор Чжан.

Примерно через четверть часа Се Цзю вернулся в резиденцию:

— Ваше высочество, Старейшина Сун отправился в дом Цензора Чжана.

— А? Зачем он к нему пошёл...

Лицо Се Юаньши постепенно изменилось, а ясные глаза медленно округлились: !

Спустившись с каменных ступеней перед покоями, он громко крикнул:

— Дядюшка Лю! Дядюшка Лю! Ся Пэй!!

Ся Пэй высунул голову из-за стены двора:

— Я здесь, господин! Что случилось?

— Оседлать коня! Я еду во дворец!

Ся Пэй тут же бросился готовить карету.

Слишком поспешно тронувшись в путь, Се Юаньши почувствовал лёгкое головокружение, в глазах потемнело. Он опёрся о стену, чтобы прийти в себя. Подошедший к воротам двора Дядюшка Лю поддержал его:

— Ваше высочество, поосторожнее.

Когда князь немного отдышался, старик, поглаживая собственный лоб, спросил:

— Почему вы так спешите во дворец, ваше высочество? Вы же были там только вчера.

Се Юаньши тоже не хотелось.

Старейшина Сун и вправду сдержан — всю внешнюю активность он переложил на Цензора Чжана!

Теперь-то он понял, почему Шэнь Юйчжу постоянно сравнивал Цензора Чжана с гадателем — тот ВСЁ знал!

Чувствуя свою вину...

Он разве хотел той компенсации?.. Хотел.

Шэнь Юйчжу вместе с министром войны, министром финансов и несколькими генералами в Зале Уин досрочно обсуждали вопросы снабжения армии на предстоящую весну.

В последние годы на границах occasionally вспыхивали мелкие стычки, но крупных сражений не было. Однако, живя в мире, нужно помнить об опасности, и необходимые войска должны быть на местах.

Великая Ци все эти годы процветала, казна не знала крупных расходов, запасы обильны — полностью обеспечивать армию провиантом и фуражем не составит труда.

Сегодня был выходной, но министр войны — человек вспыльчивый. Едва собрав отчёты о военных нуждах со всех регионов, он стремительно поволок министра финансов во дворец для сверки счетов. Министр финансов скрупулёзно проверил каждый пункт планируемых расходов.

Шэнь Юйчжу уже просмотрел все отчёты, особых проблем не было. Он позволил им закончить сверку и представить окончательные результаты, а сам присутствовал при обсуждении.

— Остался только Линнань. Министр Цянь, взгляните, вот отчёт из Линнаня...

Когда дело близилось к завершению, Лю Си подошёл к Шэнь Юйчжу сзади и тихо шепнул на ухо:

— Ваше величество, прибыл князь Цинь.

Шэнь Юйчжу распорядился, чтобы князь Цинь мог беспрепятственно входить в любую часть дворца, чем бы он ни был занят. Но Се Юаньши, зная, что император на совещании, не стал бы беспокоить.

Обычно в таких случаях, чтобы не заставлять Се Юаньши долго ждать, Лю Си тихо докладывал Шэнь Юйчжу.

Император, до того полулежавший в кресле, выпрямился, мгновенно оживившись.

Его перемена заставила присутствующих сановников устремить на него взоры.

Что случилось?

Произошло что-то важное?

Шэнь Юйчжу слегка кашлянул, чтобы скрыть волнение:

— Князь Цинь прибыл. На улице холодно, Лю Си, проводи Юаньши внутрь, пусть подождёт здесь.

Особое отношение императора к князю Цинь было не в новинку. Присутствующие сановники давно к этому привыкли, как и те, кто часто являлся во дворец для обсуждения дел.

В Зале Уин имелся тёплый павильон, но... разве князь Цинь мог ждать там? Конечно, он должен был войти сюда.

Слишком поспешно покинув резиденцию, Се Юаньши, хотя и успокоился в пути, всё ещё сохранял на щеках не до конца сошедший лёгкий румянец.

Его кожа была светлой, и это бросалось в глаза.

Едва войдя в зал, все сначала замерли, а затем осознали: князь Цинь в такой спешке явился во дворец — значит, дело неотложное!

Шэнь Юйчжу поднялся, подошёл к нему и, взяв за руку, повёл к своему креслу, с беспокойством спрашивая:

— Какое срочное дело? Почему так спешил?

— Даже потолще плащ не надел, руки ледяные, — и, сказав это, сунул ему в ладони ручную грелку.

Министр войны, наблюдая за сценой, чувствовал, как на душе становится тепло и гармонично. Отношения между императором и князем Цинь и вправду замечательные.

Не то что у него с генералом Мэном: каждый раз, выпивая и играя в «камень-ножницы-бумагу», генерал Мэн жульничает, да ещё и три лян серебра, задолжанные с прошлого месяца, до сих пор не вернул!

Министр войны почувствовал, как его за рукав дёргают раз за разом, и неохотно повернулся в сторону дёргающего.

Что?

Министр финансов тихо прошипел:

— Поторопись!!

Ты ещё спрашиваешь «что»? Конечно, поскорее закончить и уйти!

Как ты с таким отсутствием сообразительности вообще стал министром войны!

Министр войны, осенившись, поспешно вместе с министром финансов ускорил темп.

Ведь оставался только Линнань. Сверив его данные и обсудив с остальными генералами, они представили итоги Шэнь Юйчжу.

— Ладно, пусть пока будет так. Министр У, вернитесь и подготовьте утверждённые сегодня стандарты и положения, через несколько дней представьте их, — одобрил Шэнь Юйчжу, и все удалились.

— Так спешил во дворец, что-то случилось?

Взгляд Се Юаньши забежал, сердце сжималось от чувства вины.

Итак, он наговорил на Шэнь Юйчжу, Старейшина Сун известил Цензора Чжана, а что сделает Цензор Чжан — даже думать не надо.

Теперь ему оставалось либо сразу во всём признаться Шэнь Юйчжу, либо пропустить несколько придворных собраний. Но в конце концов Шэнь Юйчжу всё равно узнает правду и найдёт его.

Лучше уж сразу всё рассказать, чтобы Шэнь Юйчжу не пострадал понапрасну.

Но... за всю дорогу Се Юаньши так и не придумал подходящих слов.

Как это сказать? «Я наговорил на тебя Старейшине Суну»?

Не годится, слишком прямо. Как бы это помягче...

[Примечания отсутствуют]

<http://bllate.org/book/16209/1454882>